

ГОГОЛЬ КАК ЧЕЛОВЕК И КАК ПИСАТЕЛЬ. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ

За несколько недель до кончины, в ночь с 11-го на 12-ое февраля 1852 года Гоголь растолкал своего слугу-мальчишку, приказал открыть печную трубу и подать портфель из книжного шкафа. Когда портфель был принесен, Гоголь вынул оттуда связку толстых тетрадок, сунул ее в печь и принялся поджигать свечью. «Барин, что вы делаете? Перестаньте!» - возопил перепуганный мальчик и пал на колени. «Не твое дело. Молись и молчи. Так надо.» Между тем огонь угасал: плотная связка не поддавалась пламени. Заметив это, Гоголь вытащил ее из печи, развязал и принялся сжигать тетрадь за тетрадь. Когда в печи остался только горячий пепел, Гоголь поцеловал мальчика, зарыдал и лег, отвернувшись лицом к стене.

Так была сожжена рукопись второго тома «Мертвых душ». После этого Гоголь перестал принимать пищу, разговаривать, вставать с постели и проводил день за днем, уставившись носом в икону.

Он покончил с жизнью так, как этого не делал никто. Он уморил себя голодом. Невозможно представить более мучительного, растянутого во времени самоубийства. «Когда давили ему живот, который был так пуст, что через него можно было ошупать позвонки, то Гоголь стонал /.../ Была сделана ванна, у ноздрей висели шесть крупных пиявок; к голове приложена примочка. Когда ставили пиявки, он повторял: «Не надо»; когда они были поставлены, он твердил «Снимите пиявки, снимите!» (А. Тарасенков, «Последние дни»).

Врачи сменяли друг друга. «Оставьте, оставьте, - умолял их Гоголь словами и интонацией своего персонажа Акакия Акакиевича Башмачкина. - Господа, за что вы меня обижаете?»

Согласимся, перед нами сцена, исполненная почти шизофренического колорита. Такими же ситуациями отмечена вся гоголевская жизнь. Например, он боялся впасть в летаргический сон и в одном из бесчисленных завещаний запретил хоронить себя до признаков полного разложения. Около десяти лет назад, в связи с ремонтом Санкт-петербургской Лавры, его усыпальница была вскрыта. Андрей Вознесенский, присутствовавший при вскрытии, утверждает, что Гоголь лежал в ней лицом вниз!

Гоголь никогда не знал женщины. Его «Ночи на вилле» написаны пером латентного гомосексуалиста, хотя «от этого» он тоже был бесконечно далек. А его «Майская ночь или утопленница» является, помимо прочего, гимном мертвой женской красоте.

В личной жизни Гоголь был невыносим. О ней невозможно сказать единого доброго слова. Патологическая неискренность, искательство у сильных мира сего, равнодушие к друзьям и близким, высокомерие пополам с угодливостью –

читайте документальный сборник В. Вересаева “Гоголь в жизни”, и вы столкнетесь с таким ворохом нравственных скверн, какие трудно даже предположить в одном человеке. Творческие натуры вообще не сахар, но Гоголь являлся в этом смысле настоящим монстром. Вот он и отправляется к Святым местам в сопровождении Константина Базили, генерального российского консула в Сирии. Паломничество сопровождается таким потоком жалоб, упреков и стенаний, что местные арабы перестают уважать сиятельного посланника, и тот вынужден поставить Гоголя на место. Путешествие завершено – и напрочь забыто. “Где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилее другой, в Назарете, застигнутый дождем, просидел два дня, позабыв, что сижу в Назарете точно, как бы это случилось в России на станции” – вот и все воспоминания Гоголя о поездке, которую он мыслил вначале, как визит к самому Господу Богу. Даже его религиозность была какой-то больной, изломанной. Отец Матфей, которого он избрал в духовные наставники, являлся акцентуированным мазохистом и изувером. “Избранные места из переписки с друзьями”, написанные Гоголем в манере апостольских посланий, заставили читающую Россию единодушно крутить пальцем у виска, а Белинского – написать ответное “Письмо к Гоголю”, вошедшее в золотой фонд сатирической публицистики.

И вместе с тем, как художник слова, Гоголь абсолютно, беспримесно гениален. Если проза Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Льва Толстого поддается переводу на иностранные языки, то Гоголя нужно читать по-русски или не читать вовсе. Зато тот из иноязычных читателей, кто захочет познать русский язык до его метафорического дна, должен положить перед собой именно томик Гоголя. Вот как отзывался о словесной магии Гоголя Владимир Набоков:

“И вот, если подвести итог, рассказ развивается так: бормотание, бормотание, лирический всплеск, бормотание, лирический всплеск, бормотание, лирический всплеск, бормотание, фантастическая кульминация, бормотание, бормотание и возвращение в хаос, из которого все возникло. На этом сверхвысоком уровне искусства литература, конечно, не занимается оплакиванием судьбы обездоленного человека или проклятиями в адрес имущих. Она обращена к тем тайным глубинам человеческой души, где проходят тени других миров, как тени безымянных и беззвучных кораблей.”

Гоголь поражает не только словесным мастерством. Он обладал медиумической способностью воспроизводить архетипы русского бытия. Без Гоголя знание России о самой себе было бы неполным: национальное самосознание – вот как это называется. Его поручики Пироговы, Акакии Башмачкины, Хлестаковы, Чичиковы, Ноздревы, Маниловы, Собакевичи и Коробочки останутся нарицательными до тех пор, пока будет существовать Россия и русские. Однажды Лев Толстой без ложной скромности назвал “Войну и мир” русской Илиадой. То же самое мог бы сказать о своих “Мертвых душах” и Гоголь. Обратим, однако, внимание на название этой русской Илиады. Вот именно, она представляет собою себя *summa summarum* нравственных пороков. Если в Пушкине воплощено положительное знание о России, то в Гоголе – отрицательное.

Но и здесь сплошные парадоксы: один из дотошных гоголевских биографов (С. Венгеров) написал столетие назад статью под названием «Гоголь совершенно не знал реальной русской жизни». Исследователь установил, что изучение Гоголем русской провинции исчерпывалось недельным (вынужденным) пребыванием в Курске и сорока семью днями безостановочных разъездов между Малороссией и Петербургом. «Не съезжал Гоголь никогда ни к какому русскому помещику, – пишет С. Венгеров, – не обедал никогда ни у какого Манилова, не видал, как уписывает бараний бок Собакевич, не ночевал у Коробочки, не бывал никогда ни на каком, столь неправдоподобно у него описанном губернаторском балу, не ви-

дел, как «пошла писать губерния», не был никогда свидетелем того, как ведут беседу дама просто приятная и дама, приятная во всех отношениях и т. д., и т. д., и т. д. Ровно ничего из всего этого /.../ Гоголь никогда не видел и не наблюдал.»

Поразительно, правда? Воистину, приходится говорить не о литературном гении, но о литературном демоне. Есть писатели, чей нравственно-психологический опыт находится решительно вне понимания у автора этих строк, и Гоголь из их числа.

Его литературная слава началась с «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Тараса Бульбы» и «Миргорода». Будущий русский классик начинал, как пламенный украинский патриот. В «Тарасе Бульбе» он дал волю своим этническим генам и залил повествование морями антиукраинской крови. Убийство Тарасом собственного сына вызывает у автора беспрекословный восторг. Более свирепой патриотической книги не знает история мировой литературы. Оказавшись в Петербурге, в космополитической атмосфере громадного европейского города, Гоголь с ностальгической силой воспроизвел лирико-героический миф «утраченной родины». Успех его «Вечеров на хуторе близ Диканьки» был чрезвычайным. На какое-то время они превзошли популярностью самого Пушкина. К чести русского поэта, он не только не испытал зависти к своему неожиданному и вчера еще никому не ведомому сопернику из малороссийской глубинки, но стал увлеченным пропагандистом «Вечеров».

Было бы ошибкой оценивать «малороссийский цикл» Гоголя только как ориентальную прозу. Он обладает уникальной самоценной эстетикой, предвосхитившей многие последующие, в том числе и современные достижения художественно – литературной мысли. В нем дремлет опыт Франца Кафки, Сальвадора Дали, прочих мэтров европейского сюрреализма. А жанр триллера или «фильма ужасов»? Он тоже предвосхищен Гоголем в «Вие». Это буквальным образом чтение не для слабонервных. «Вий» - российский пролегомен к Хичкоку.

Короче говоря, Гоголь обладал тем, что Владимир Набоков назвал «четырёхмерным видением мира», отказывая в таковой способности даже Пушкину:

«Русские, которые считают Тургенева великим писателем или судят о Пушкине по гнусным либретто опер Чайковского, лишь скользят по поверхности таинственного гоголевского моря и довольствуются тем, что кажется им насмешкой, юмором и броской игрой слов. Но водолаз, искатель черного жемчуга, тот, кто предпочитает чудовищ морских глубин зонтикам на пляже, найдет в "Шинели" тени, сцепляющие нашу форму бытия с другими формами и состояниями, которые мы ощущаем в редкие минуты сверхсознательного восприятия. Проза Пушкина трехмерна; проза Гоголя по меньшей мере четырехмерна ."

И в связи с этим:

"Уравновешенный Пушкин, земной Толстой, сдержанный Чехов - у всех у них бывали минуты иррационального прозрения /.../. Но у Гоголя такие сдвиги - самая основа его искусства, и поэтому, когда он пытался писать округлым почерком литературной традиции и рассматривать рациональные идеи логически, он терял даже признаки своего таланта. Когда же в бессмертной "Шинели" он дал себе волю порезвиться на краю глубоко личной пропасти, он стал самым великим писателем, которого до сих пор произвела Россия."

С «набоковским» прочтением Гоголя можно не соглашаться. Но абсолютная уникальность дарования этого мистика и реалиста самоочевидна. Он – самый неповторимый (и необъяснимый) обитатель русского литературного Олимпа.